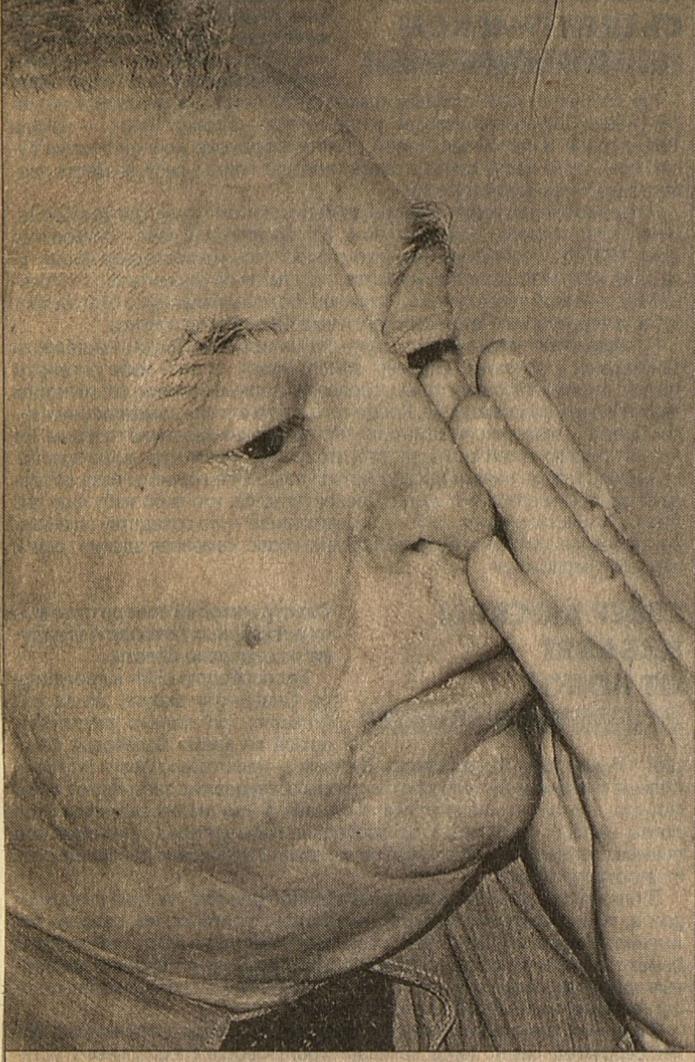

Приставкин Анатолий
(писатель, юбилей)

17.10.01

ПИСАТЕЛЬ
ЮБИЛЕЙ

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ

Анатолию Приставкину сегодня грустно

Вел Москва - 2001 - 17 окт. - с. 6.

Сегодня писатель Анатолий Игнатьевич Приставкин отмечает грустный юбилей. Не потому, что больно много лет исполняется — как раз с возрастом все у него нормально, 70. Не потому, что будет мало желающих поздравить — как раз от обилия поздравляющих Приставкин и скрылся на даче. Просто его долгая, почти десятилетняя, работа по спасению человеческих жизней окончена.

**Дарья АКИМОВА,
Валерий ЧААВА**

Его провидческая пронзительная повесть «Ночевала тучка золотая...» не спасла нас от Чечни, зато президентская Комиссия по помилованию, которую он возглавлял с 1992 года, помогла выжить 57 тысячам граждан России. Вопреки всеобщему мнению, далеко не все они — матерые убийцы, большинство — злоумышленники: отбывавшие за первое, не бог весть какое, преступление годы и годы за решеткой, заболевшие в тюремном аду туберкулезом и ненавистью люди.

Комиссии больше не существует (потому что комиссия, которую будет возглавлять, как ожидается, Никита Михалков, — это совсем другая история). Беззачетные и сильные герои писателя Приставкина знали прежде него самого: в мире «бесполезно искать справедливости». Можно только ждать и надеяться — вопреки. Теперь даже это — нельзя. Руководство страны, которая живет по принципу «от сумы и от тюрьмы не зарекайся», в которой сидел каждый пятый, которая слушает в такси исключительно блатные песни, посчитало, что Приставкин и компания милуют... слишком многих. Как считают некоторые эксперты, пала «последняя цитадель государственного гуманизма».

История «надения» такова: в августе 2000 года президент Путин поручил заместителю главы президентской администрации Виктору Иванову проанализировать деятельность комиссии. В январе 2001 года Иванов обвинил комиссию в непрофессионализме: слишком мягком отношении к преступникам. И предложил усилить ее состав чиновниками из Минюста. С тех пор послания комиссии почти не доходили до президента, а сейчас ее работа и вовсе приостановлена.

Здание бывшего ЦК КПСС на Новой площади. Шестой этаж. Кабинет, который когда-то занимали Иван Полозков и Владимир

Пуго. На стенах — портреты всех министров внутренних дел Российской империи и СССР. Длинный стол. Карта всех лагерей Советского Союза. А еще на стене — большая фотография: члены Комиссии. Лица тех, кто жив, и тех, кого уже нет: Булата Окуджавы, Льва Разгона. В этом кабинете (видимо, все-таки несчастливом: его когда-то пришлось освятить) мы и беседовали с Анатолием Игнатьевичем.

— Пока мы идем против течения, против потока. Страна ожесточена, она потеряла ориентацию. Нам часто звонят по телефону — грозят «со всеми нами разобраться».

Булат часто шутил по этому поводу и как-то прочитал эссе, который есть в моей новой книге «Долина смертной тени». Называется это стихотворение «Тост Приставкина»:

Это наши маленькие праздники,

наш казенный, праведный уют,
Несмотря на то,
что мы проказники,
Срока нам пока что не дают.

Слово «милосердие» звучит для многих только как помилование убийцы, который завтра набросится с топором на очередную жертву. Но таких, как Чикатило, было всего пятеро. Зато были люди, которых осуждали на три года, на пять лет за кражу козы или бидона молока.

Таких случаев много. В первые же дни работы я попросил принести дела с судебными ошибками. Папок до потолка набралось. В числе прочих там были громкие дела: и «витебское», и «смоленское» и «иркутское»... Академик Кудрявцев отметил, что на Западе — до 5 процентов судебных ошибок, а у нас — втрое больше.

— Так казнят ли у нас сейчас людей?

— По решению Конституционного суда от 2 февраля 1999 года, вынесение смертных приговоров запрещено до тех пор, пока по всей стране не будут созданы суды присяжных. Но это требует много средств и времени. Правда, есть силы, которые пытаются обойти это решение путем создания окружных судов присяжных и таким образом обойти решение высшей судебной инстанции страны. Что у них получится, время покажет. Тем более что вопрос опять может вернуться в Конституционный суд.

— В Америке смертная казнь есть в некоторых штатах...

— Нам постоянно указывают на США! Хотя в штатах, где нет смертной казни, уровень преступности ниже. И это опыт чистый, данные не засекречены. Однажды я на одной из международных конференций прямо с трибуны так и попросил американского делегата: ну отмените же вы смертную казнь, вы нам так мешаете! Так тот человек встал, подошел ко мне и молча пожал руку. Или вы думаете, там никто ничего не понимает?

И еще: у американцев сейчас ждут смертной казни 3600 человек. Казнят у них в год в среднем 50 человек. Нетрудно посчитать,

сколько времени на это понадобится.

— Более семидесяти лет.

— Кто из них столько проживет? Для абсолютного большинства это фактически пожизненное заключение, хотя и под постоянным страхом смерти.

— А нужна ли такая жизнь?

— Они не хотят умирать! Даже если осужденный просит его расстрелять (к нам приходила пара таких писем), он просит прислать книги. Они привыкают так жить.

А кто у нас боится смертной казни? Не преступники, они понимают, что наш мораторий вряд ли будет отменен. Существования смертной казни боятся те, кто понимает, что узаконенное человекоубийство — это кровавое пятно на совести людей.

Совесть — разная. Люди тоже. Чиновники из Минюста, видимо, спят спокойно. Наверное, это потому, что у них было «приставкинское» детство. Кстати, сам писатель Приставкиным был не всю жизнь: мальчику, скитавшемуся по детским домам, пришлось менять фамилию много раз. То и дело кажется, что в его героях — и в Васке из «Солдата и мальчика», и в Саике с Колькой-Кузьменьичах из «Тучки» есть что-то от него тогдашнего и сегодняшнего — «вопреки» живущее неистребимое желание правды.

— Не было у меня документов. А придумал фамилию, значит, сочинил себе и новую жизнь. Да и как было жить иначе? За многими водились разные грехи. В «Кукушатах» описан реальный случай: группа подростков разгромила детдом и сбежала. Позже по нашему «внутреннему радио» мы узнали, что их окружили войска и расстреляли. Старшему было двенадцать. Одиравшие дети войны. А в прессе сообщали, что уничтожена группа бандитов.

Мама его умерла от туберкулеза в самом начале войны («Значительно позже этой же болезнью болели и моя сестра, и я. А через многие годы я узнал, что мама ушла из жизни в один день с Мариной Цветаевой. Ее могилу, как и могилу Цветаевой, тоже потеряли»), отец воевал на фронте, а сын ждал

писем по детским домам. В «Тучке» лирический герой (иначе не скажешь), временами врывающийся в повествование, говорит: «Некоторые (своих товарищей по детдомам. — Авт.) я помнил, по странной исключительности детской памяти, не только в лицо, но и по фамилии и имени и попыткам через десяток лет отыскать. Открытки такие желтенькие с запросом на адресные столы (сонино, не меньше), разослал — и ни одна не принесла адреса. Ни одного письма ни от одного нашего... И вот уж печатаюсь двадцать пять лет; а фамилии те, не скрывая, намеренно выношу в рассказах, в повестях, очерках, и снова — ни словечка в ответ. Страшная мысль: неужто я один выжил из всех? Неужто так и сгнили, затерялись? Не проросли?»

Не проросли. К ним не вернулись отцы. К Приставкину он вернулся.

— Он спас меня. Нашел на Кавказе, забрал. Я до сих пор храню его открытку, в которой он писал, что они уже пересекли границу нашей страны и скоро он за мной приедет. Я любил его страшно. Возвращаясь домой, высматривал издала, не мелькнет ли огонек в нашем окне. И каждый раз сердце понемногу, по капле, остывало. Общаться с ним было не сказать чтобы трудно, просто он был занят собой, своими делами. По происхождению обыкновенный крестьянин, он выращивал лук на продажу и мочил яблоки. Однажды я пришел с работы, а он сидит с какой-то бабой. Сидят, выпивают и смеются. Тогда в предбаннике я взял молоток и стал стучать. Он вышел и спросил: что я делаю? Я ответил, что гвоздь забиваю. Он ушел, а я опять принялся стучать. Потом она вышла, раскричалась: что такое? Что это за звереныш? Отец говорит: извини, он просто мальчишка... Словом, он проводил ее, а во в мне еще что-то остывало.

Потом, много позже, прозанимавшись в Литинституте в семинаре Льва Ошанина, Приставкин ушел из «возвышенной» поэзии в прозу. Просто так ему удобнее было сказать главное: нельзя, чтобы остывало...

449

«Несмотря на то, что мы проказники, /Срока нам пока что не дают». С Булатом Окуджавой и Львом Разгоном